

НА СЦЕНЕ —
ГОСТИ

МИР РОМАНТИЧЕСКОГО ТАНЦА

В Ленинграде на сцене Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова проходят гастроли Датского королевского балета, впервые приехавшего в нашу страну. Единство национальной школы танца, уходящее в далекое прошлое, традиции, образность, эмоциональность выгодно отличаются датчан и сближают с традициями русской хореографической культуры. Сходство усиливается тем, что датские артисты воспитаны не на броском концертном репертуаре, — путь, характерный для многих зарубежных трупп, — а на содержательности большой театральной формы, на материале полнометражного сюжетного спектакля. Вероятно, именно поэтому «Этюды» на музыку К. Черни, специально поставленные Харальдом Ландером для Датского балета и уже знакомые нам по другим гастролям, вопреки ожиданиям, прозвучали на этот раз более сдержанно и скромно.

Но если «Этюды» и «Павана мавра» дают повод для довольно спокойных оценок, то ценность гастролей заключается прежде всего в знакомстве с замечательным наследием великого датского хореографа Августа Бурнонвиля. Его балеты, хранимые благоговейно, открывают для советского зрителя доселе почти неизвестную область — ранний романтический балет. Это захватывающе интересно — ведь именно здесь гаятся истоки многих завоеваний балетного театра XIX века, здесь закладывались основы симфонического танца и структурно завершенных хореографических форм, рождалась система образов романтического балета.

«Сильфида» Бурнонвиля с музыкой Х. Лёвенскола дает нам

представление о знаменитом создании Филиппа Тальони 1832 года, ставшем предтечей «Жизели» Ж. Перро и Ж. Коралли. И хотя датский балетмейстер вынужден был обратиться к иному музыкальному материалу, в его хореографии, по всей вероятности, весьма отчетливо прослеживаются контуры оригинала. Образ Сильфиды предстает иным, чем его модификации в позднейших трактовках. Здесь нет напряженного драматизма сцены вилли из «Жизели», нет и поэтической отрешенности фокинской «Шопенианы». Сильфида беззаботно порхает, охотно шалит, открыто проявляет свои симпатии. Драматизм нагнетается как бы помимо нее, силами сторонними и злыми. Колдунья ворожит, чтобы, разлучив Джеймса с невестой, сделать его невольной причиной гибели прекрасного, но бесплотного существа. Джеймс целует Сильфиду — и этот реальный человеческий поцелуй губит ее. Так в поэтических образах воплотилась идея романтизма о разладе мечты и действительности.

В балете план бытовой и поэтический соседствуют, но не вступают в союз: сцены жанровые чередуются с эпизодами, поставленными на основе классического танца. При таком отчетливом противопоставлении земного и духовного достигается редкостная цельность, единство в развитии драматургического замысла. И здесь есть чему поучиться, есть возможность, особенно для молодых балетмейстеров, проверить себя опытом балетного театра прошлого.

И в «Сильфиде», и в третьем акте другого балета Бурнонвиля — «Неаполь, или Рыбак и его невеста», показанном на гастро-

лях, много танцев, использующих фольклорную основу. Это тоже чрезвычайно характерно для романтического балета, открыто обратившегося к народному быту, нравам, обычаям. Здесь масса неожиданных танцевальных пассажей, наивных и очаровательных, погружающих нас в стилистику предшественников Петипа.

Сегодня в Датском балете звучат и современные темы. И не только благодаря усилиям приглашенных хореографов. Флемминг Флиндт, возглавляющий в последние годы труппу, охотно обращается к современной музыке. «Чудесный мандарин» Б. Бартока в его интерпретации — произведение спорное, но отмечено тем, что герой балета ищет выход из духовного тупика.

Датский балет силен ансамблем и хорошей школой. В спектаклях интересны и балерина, и солисты, и мимические актеры. Женственная Анна Лёркесен, по-современному острая Виви Флиндт, хрупкая Метте Хеннинген, поэтичный Флемминг Рюберг, уверенно танцующие Нильс Келет, Петер Шауфусс и Адам Людерс — все они обладают виртуозностью, достаточно выразительны. Техника мелких движений и быстрых темпов даже в больших прыжках особенно развита у мужчин, исполнение которых часто оказывается интереснее, чем у женщин. Правда, артистам не всегда удается сохранить ту чистоту, которая считалась обязательной в академических правилах русской исполнительской школы.

Встреча с Датским балетом обогатила ленинградских зрителей. Творчество Бурнонвиля расширило наши представления о балетном искусстве вообще.

А. СОКОЛОВ